

ской управы, не приехавшего на освящение школы, пишет, что посоветует гостям прочесть „Коляску“ Гоголя, «которая разъяснит им многое» [7, т. 7, с. 25] (Н. И. Забавину, 11 июля 1897 г.; упоминания «Коляски» см. также [6, т. 16, с. 173, 224]).

Но дело не только в том, что гоголевская «Коляска» восхищала Чехова. А и в том, что она многое предвосхищала в его творчестве. К. И. Чуковский рассказывает: «Помню, в гимназии, говоря о „Коляске“ Гоголя, я выразился, к негодованию учителя, что она так хороша, будто написал ее Чехов» [8, с. 78].

Не меньше, чем «Коляской», восторгался Чехов «Женитьбой»: «Превосходная пьеса,— пишет он А. С. Суворину 20 февраля 1889 г., на другой день после просмотренного спектакля.— Действия длинны до безобразия, но это едва чувствуется благодаря удивительным достоинствам пьесы» [7, т. 3, с. 160].

Комедия эта, так же, как и «Коляска», кончается ничем, полнейшим, пользуясь словом Гоголя, репримандом. Названная «Женитьбой», она с неменьшим основанием может быть озаглавлена «Не-женитьбой». Драматизм действия здесь в том, что пара — Подколесин и Кочкарев — находится в противоположном отношении к сюжету: первый из всех сил его тормозит, панически боясь каждого нового шага; второй, так же не жалея сил, толкает вперед. Есть что-то необъяснимое, как будто даже беспричинное в том, как упорно ведет Кочкарев Подколесина к венцу. «Изволь, изволь, я беру на себя все дела»,— с готовностью восклицает он [4, т. 5, с. 15]. «Только не конфузья: я тебя женю так, что и не услышишь»,— уговаривает он заартачившегося жениха [4, т. 5, с. 16]. И сам удивляется: «Из какого же дьявола, из чего, из чего я хлопочу о нем, не даю себе покою, нелегкая прибрала бы его совсем. А просто чорт знает из чего! Поди ты, спроси иной раз человека, из чего он что-нибудь делает!» [4, т. 5, с. 66].

Как заметил Ю. В. Манн, дело не исчерпывается одной этой парой. Ей соответствует вторая пара: за нерешительной Агафьей Тихоновной — энергичная Фекла Ивановна, толкающая ее к узам Гименея [9, с. 263].

В пьесе действуют четыре жениха — претендента на руку Агафьи Тихоновны, купеческой дочери, невесты с приданым. Можно представить себе, что другой драматург, лишенный творческой смелости Гоголя, построил бы все действие на соперничестве этих четырех персонажей, помогающих невесты и приданого. Но в гоголевской комедии неумолимому Кочкареву удается сравнительно быстро, что называется, раскидать соперников Подколесина. Напряженность действия здесь — не во внешних обстоятельствах, а в душе героя, который не в силах осуществить свой жизненный сюжет.

В «Женитьбе» нет действия в привычном для зрителя гоголевской поры смысле. Неслучайно многие критические отклики после Александринской премьеры 9 декабря 1842 г. сводились к тому, что в пьесе нет «ни завязки, ни развязки», что «сцены эти, набросанные кое-как, без достаточной завязки и развязки, невозможно назвать комедией» [10].

Пройдет время, и сходные упреки, претензии, обвинения услышит по поводу своих пьес Чехов.

Как показал Ю. В. Манн, «миражная интрига» получает свое развитие в центральном гоголевском творении — в «Мертвых душах» [9, с. 274 и след.]. То, что зарождается в сфере комического, входит затем и в другие сферы. Ту же особенность мы обнаруживаем у Чехова. «Миражная интрига», с ее пустыми хлопотами, напрасными усилиями и с неожиданным концом, сводящим на нет все претензии и поползновения персонажей,— эта идущая от Гоголя особенность лежит в основе построения сюжета у Чехова.

Многое роднит с гоголевской «Женитьбой» чеховскую «Свадьбу», которая так же все время дает осечки, поминутно сбивается с торжественного